

**О сленге, мате, мигрантах и поисках идентичности:
беседа словенского писателя Горана Войновича
с переводчицей Александрой Красовец
по случаю выхода русского перевода романа
«Чефуры вон!» (издательство Ивана Лимбаха)**

*МГУ имени М.В. Ломоносова.
Филологический факультет. 28.11.2014 г.*

Аннотация: Рассматриваются особенности языка, представляющего собой смесь словенского и сербского, на котором говорят герои книги Горана Войновича – иммигранты из южных республик бывшей Югославии, способы передачи разговорной интонации, словенский литературный язык и реакция критиков и читателей на нашумевший роман, а также способность литературы вызывать реакцию общества сегодня.

Ключевые слова: Горан Войнович, «Чефуры вон», словенский литературный язык, литература и общество

Abstract: In the interview discusses the features of the language, which is a mixture of Slovenian and Serbian, spoken by characters in the book Goran Voinovich – immigrants from the southern republics of the former Yugoslavia, about transmission of conversational intonation, of Slovene literary language and the reaction of critics and readers on the acclaimed novel as well as the ability of literature to cause the reaction of society today.

Key words: Goran Voinovich, «Chefury von!», Slovene literary language, literature and society

Горан Войнович (р. 1980) – словенский писатель, сценарист, режиссер и кинокритик. Его дебютный роман «Чефуры вон!» стал бестселлером в Словении и странах бывшей Югославии, получил несколько наград, был назван лучшим романом 2008 г., многократно переиздавался, переведен на сербский, хорватский, боснийский, польский, чешский, шведский и английский языки. По своему роману Войнович снял одноименный полнометражный фильм, премьера которого состоялась осенью 2013 г.

Книга рассказывает о жизни первого и второго поколения иммигрантов из южных республик бывшей Югославии в Словении. Главный герой – семнадцатилетний подросток, сын иммигрантов из Боснии, от его лица ведется повествование. Роман живым и остроумным языком рассказывает о важных социальных и этнокультурных проблемах, затрагивает вопросы двойной идентичности, неприятия обществом Другого, Чужого, которым может стать любой подросток, переживающий непростой процесс взросления. Русский

перевод был отмечен серией положительных отзывов в авторитетных СМИ и попал, согласно их выбору, в число главных книг этой зимы¹.

Александра Красовец: Горан, я предлагаю начать с сути твоей книги – с языка, которым она написана. Это так называемый «чефурский» язык, представляющий собой смесь словенского, сербско-хорватского, боснийского языков и люблянского молодежного сленга, не без солидного арсенала бранной лексики. Действительно ли этот язык настолько шокирует среднестатистического словенца? И какова роль нецензурных выражений? Это провокация, знак агрессии, вульгарности, или же способ, которым пользуются подростки, чтобы прикрыть нехватку самоуверенности?

Горан Войнович: «Чефурский» – это язык, на котором говорит второе поколение иммигрантов, как правило, дети, которые уже родились в Словении. Они владеют обоими языками, своим родным языком – сербско-хорватским – и словенским, находят свой собственный язык, смешав тот и другой с люблянским сленгом. Очень важной составляющей этого языка является социолект первого поколения, их родителей, которые не знают хорошо словенский, сбиваются, делают многочисленные ошибки, а второму поколению эти ошибки кажутся

¹ Интернет-журналы «Воздух» («Афиша») <http://vozduh.afisha.ru/books/23-premery-nonfiction/>,
«Коммерсант» <http://www.kommersant.ru/doc/2608937?isSearch=True>,
«ReadRate» <http://readrate.com/rus/news/top-15-samykh-ozhidaemykh-knizhnykh-novinok-noyabrya/galleries/0/13>,
«The Village» <http://www.the-village.ru/village/weekend/season-plans/170809-h-knig-na-non-fiction>, «Interview» <http://www.interviewrussia.ru/life/shchegol-donny-tartt-chefury-von-gorana-voynovicha-i-iskusstvo-pamyati-patrika-modiano> (посещение сайтов 17.01.2015).

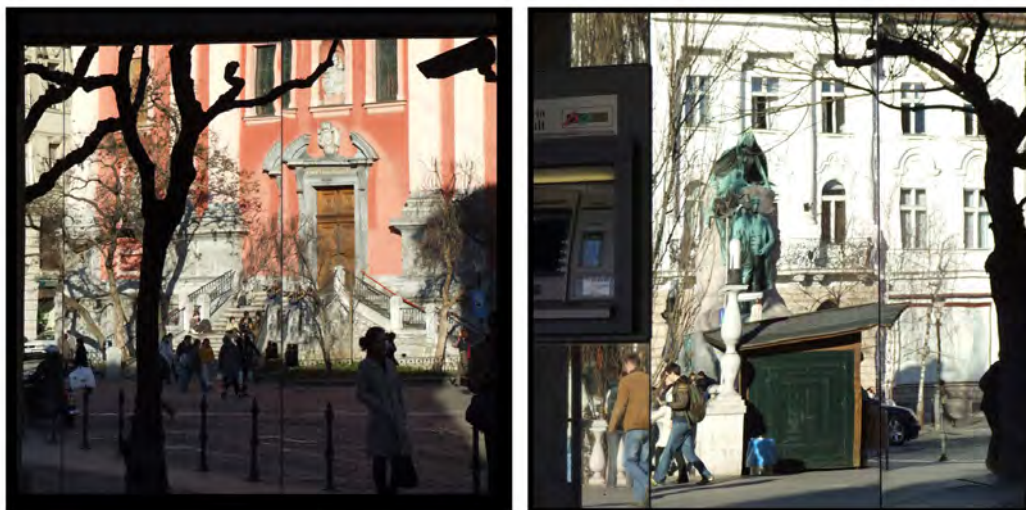
очень смешными, и они намеренно включают их в свой язык. Следует отметить, что сербско-хорватский является единым языком, который по политическим причинам разделен на четыре разных: сербский, хорватский, черногорский и боснийский. Однако большинство представителей второго поколения иммигрантов в Словении говорит на некоем варианте этого языка, которым они не владеют в совершенстве, говорят на нем дома, уже изначально имея привычку смешивать его со словенским. Вариантов подобного рода языковых смешений на самом деле огромное количество, моей целью было показать, что второе поколение, когда говорит на сленге – это одно, когда говорит с родителями – это уже другой язык, а их родители общаются еще на одном, третьем варианте языка. «Чефурский» язык вовсе не один-единственный, а имеет огромное число вариантов, и каждое поколение по-своему претворяет его в свой уникальный социолект. Одним словом, я попытался воссоздать нечто, что напоминало бы эту аутентичность. Точно на таком языке, как у моего героя, вероятно, не говорит никто. Различные читатели, однако, узнали в этом языке свой собственный.

А.К.: Внутренний монолог главного героя грамматически представляет собой достаточно правильную речь, «чефурский» больше представлен в диалогах.

Г.В.: Правильным он является лишь потому, что я задал для себя некоторые правила, каким образом его записывать. Для люблянского сленга свойственна сильная редукция, из восьми букв в слове произносятся только три, как у французов. Если бы я стал записывать этот монолог фонетически, читать его было бы крайне сложно. Достаточно уже одного только присутствия странных несловенских слов. Фонетически записаны только диалоги, хотя речь и идет об одном и том же языке. Во внутреннем монологе героя точно так же много несловенских слов, ошибок в синтаксисе и ругательств, которые являются неотъемлемой частью этого языка. Попросту говоря, невозможно передать разговорный язык, сленг, убрав из него очень важную его составляющую. Рассерженные подростки, в конфликте с целым светом, конечно же, матерятся. Во-первых, для них это выражение протеста, во-вторых, когда речь заходит о чувствах, им не хватает слов, поскольку для них это нечто непривычное; дома с родителями и с друзьями они не обсуждают свои личные переживания, их просто нет. При помощи ругательств они выражают весь свой гнев и боль и таким образом замещают все слова, призванные описать чувства. Там, где в романе эмоциональность языка нарастает, увеличивается и число ругательств.

Моей целью было проследить внутреннее состояние героя. Читая книгу, вы как будто его подслушиваете, как если бы он сидел в автобусе на соседнем сиденье и рассказывал свою историю другу, не стараясь выразиться по-красивее; это его искренняя и непосредственная исповедь. В некоторых местах я специально сделал так, что его сложно понять, использовал слова, которые многим покажутся странными, так как используются в различных уголках Югославии; так, например, в тексте встречаются два албанских сло-

ва. Важно уже само звучание слов, которое как-то отражает состояние героя. Одни, читая книгу, перескакивают через эти выражения, другие ищут в гугле, что бы это могло значить.

Любляна. Площадь Прешерна. Фото Д. Крашовеца

А.К.: Никогда не возникало желания дать сноску или сделать небольшой словарь?

Г.В.: Нет, никогда ничего такого в голову не приходило. Общее восприятие текста не страдает. Из-за схожести двух языков словенский читатель понимает большую часть текста. Больше проблем возникает у более молодого поколения. Когда роман был опубликован шесть лет назад, то пользовался огромнейшей популярностью среди школьников старших классов; сегодня старшеклассникам уже сложнее его читать, он уже для них более чужой.

А.К.: В связи с этим хотела бы задать вопрос о субкультуре «чефуров» – как о молодежной субкультуре, которая распространилась на молодежь в Словении в целом. Речь идет как о самом языке, так и о манере одеваться, о так называемом турбо-фолке – музыке, которую слушают «чефуры».

Г.В.: Дело в том, что политическая ситуация на Балканах изменилась настолько, что уже больше нет массового притока иммигрантов с Юга, как во времена Югославии. Во-первых, нет больше такой необходимости в рабочей силе: сегодня, как правило, приезжают единицы, образованные, получив предложение работать. Рабочие, которые прибывают сегодня, остаются изолированными от общества, их не видно: они приезжают, делают свое дело и уезжают. Общество их к себе не подпускает еще и потому, что они не из ЕС. Однако все больше появляется «чефуров» из второго и третьего поколения иммигрантов. Многие из них имеют выбор (особенно если речь идет о третьем поколении) – быть им словенцами или «чефурами». Это вопрос имиджа. Первое поколение приезжих не могло скрыть своего происхождения

уже ввиду незнания языка, они не могли делать вид, что они словенцы. Словенское большинство смотрело на них как на «чефуров» и таким образом их определяло, хотели они этого или нет. Сегодня, напротив, можно сделать выбор: носить тренировочные штаны, слушать турбо-фолк, стараться говорить по-чефурски – или не делать этого.

А.К.: Есть и словенцы, которые это делают.

Презентация книги в Московском университете
(филологический факультет), 2014 г.

Г.В.: Именно поэтому это вопрос выбора, каждый словенец может тоже стать «чефуром». Для словенцев это отличный способ выразить протест против родителей или доминирующей культуры. Зачем словенцу быть «чефуром»? Стоит родителям увидеть его таким – и они ужаснутся. Это же мечта любого подростка – шокировать своих родителей. Если твои родители в восьмидесятые слушали панк, то тебе будет сложно вывести их из себя, врубая какой-нибудь там рок, они еще гордиться тобой будут. Что делать? Погружаешься чуть дальше в прошлое и слушаешь турбо-фолк, злишь их таким образом. «Чефурство» как субкультура действительно представляет собой форму протеста, особенно у самих словенцев. Очень удобная форма: годик ты можешь побыть в роли «чефура», потом переодеться – и снова никаких проблем. В любой момент ты можешь отказаться от этого. Этим чефуры в Словении отличаются от пакистанских иммигрантов в Англии, латиноамериканцев в США, африканцев во Франции, которые не могут просто так избавиться от своего положения, так как уже сам цвет кожи отличает их от основного населения. Кто-то другой всегда будет детерминирован своим внешним видом. А «чефурскую» субкультуру определяет как раз то, что это вопрос выбора. Что касается первого поколения переселенцев, которым сегодня 60–70 лет и которые принадлежат к большой иммигрантской волне начала 1980-х годов, то их сегодня все меньше и меньше.

А.К.: А что было с волной военной миграции в девяностые годы?

Г.В.: Военных беженцев в Словении на самом деле никогда не было много. Словения не была приветливой страной для боснийских и хорватских беженцев. Да, были центры помощи; конечно, мигрантов было немало уже потому, что здесь находились их родственники. Но в Словении из них мало кто остался, многие вернулись, так как это совсем близко. Беженцам, которые оказались в Швеции, уже сложнее было уехать обратно. Гораздо больше в Словении тех мигрантов, которые здесь оказались из-за последствий войны, приехав сюда уже по ее окончании, так как дома не было никаких перспектив.

Когда речь идет о Боснии, Сербии, то если кто-то был вынужден покинуть родной край, его выбор уж точно не останавливался на Словении: люди отправлялись туда, где условия были действительно лучше, например в Швецию, которая хоть и ограничивала число беженцев, но предлагала им достойный уровень жизни. В Швеции, Дании, Канаде действительно много переселенцев из-за войны. В Словении я знаю лишь единицы. Про свою семью я могу сказать, что из всех наших родственников, оказавшихся у нас во время войны, никто не остался в Словении: они либо вернулись в Сербию и Боснию, либо мигрировали в Канаду и Америку. Словения была, скорее, пунктом временной остановки. Хотя, когда мы говорим о миграции, все в первую очередь думают о военных беженцах.

А.К.: Возвращаясь к языку и нашему разговору об эмотивности бранной лексики. В русском переводе использование мата было исключено, книга тогда бы не появилась, что, однако, не повлияло на сам перевод. Использование матерных выражений, которые табуированы в русском языке, сделало бы язык романа гораздо более агрессивным, жестким, цель же книги вовсе в другом. В качестве примера могу сослаться на польский перевод, где главный герой именно из-за ругательств оказался гораздо более вульгарным и агрессивным, что, по сути, не так.

Г.В.: Да, это как раз то, на что ты обратила внимание. Первой это заметила моя двоюродная сестра, которая во время войны жила в Словении и успела немного выучить язык, так что смогла прочитать книгу в оригинале. Ей было интересно, и она прочитала еще и все три перевода – на хорватский, боснийский и сербский языки. Она первая указала мне на то, что происходит с героем, когда ты переводишь из одного сленга в другой. При переводе невозможно передать смешение языков, но можно использовать разговорный уличный жаргон, чтобы текст звучал убедительно. Язык героя становится языком раздраженного подростка из Белграда, который говорит на белградском сленге. В результате происходит замена характера героя, любой сленг маркирован особенностями среды, которая его формирует, – это далеко не нейтральный язык, а очень живое образование. Так, белградский сленг имеет свой, белградский характер, – характер людей, которые дали ему жизнь. Герой моего романа очень рассержен, но также и очень раним, что не менее

важно. В белградском переводе он становится более высокомерным, заносчивым и самонадеянным, появляется такой крутой чувак. В сараевском переводе он получился более стёбным. Вероятно, если бы ты оставила в русском языке матерные выражения, то герой был бы уже другим, так как ругательства в русском явно имеют более сильную коннотацию.

А.К.: Я думаю, что цензура в данном случае не смогла повредить книге. В Словении многие из тех, кто прочитал роман, восприняли его как издевательство над словенским языком. Бытует мнение, что словенский – как малый язык – находится под угрозой и может исчезнуть, ассимилировавшись с другими языками. В то же время нам хорошо известно, что именно миграции являются важным источником инноваций в языке, придают ему необходимую витальность. Что ты думаешь о процессах, которые происходят в словенском литературном языке, действительно ли ему что-то угрожает?

Г.В.: Словенский язык для словенского общества имеет исключительно важное значение, почти мифологическое. Словенцы до 1991 года не имели своего независимого государства, использование словенского было прописано в Австро-Венгрии и затем в Югославии, но до получения своего государства словенцев как народ объединял только язык. Словенцы – народ поэтов и литературы. И вовсе не случаен тот факт, что на центральной площади Любляны стоит памятник именно поэту – Франце Прешерну; все это неотъемлемая часть словенского национального мифа. Отсюда и особая ранимость в отношении словенского языка; не то чтобы словенцы много читали и уважали литераторов и художников, – вовсе нет, но словенская литература и язык представляют ту в некотором роде сакральную сферу, к которой якобы запрещено прикасаться.

Я готовился к тому, что реакция на мою книгу будет гораздо более агрессивной и что роман будут бойкотировать. Но меня ждал приятный сюрприз: именно те, кто профессионально занимается языком, выразили самое большое воодушевление. Негативных отзывов оказалось мало. Большинство согласилось с тем, что книга открыла новый для словенской литературы мир и обогащает диапазон словенского языка, указывая на его широту и многообразие.

Люди, вдохновленные книгой, на первый план выдвигали именно язык, язык и еще раз язык. Поэтому мысли о переводах всегда вызывали скепсис: если речь идет только о языке, то что останется при переводе? Хотя, надо сказать, все существующие переводы хорошо функционируют, даже если что-то и теряется. Несмотря на все мифологические фиксации, связанные со словенским языком, те, кто им занимается, отлично знают, что разговорный язык уже основательно утвердился в словенской литературе – начиная с Андрея Скубица, Юрия Худолина и так далее, и уже не одно матерное слово появлялось в литературных текстах.

В этом смысле моя книга не представляет ничего революционного. Скубиц, Яня Видмар тоже пробовали вводить в свои тексты «чефурский язык». Подход был немного другой – речь не шла о целой книге, но начало все-таки было положено. Читатели с этим уже были знакомы, ждали, чтобы кто-ни-

будь все это записал, как говорится, от первого лица, так, как это случилось со мной: на этом языке я говорил и смог его зафиксировать.

Словенская литература и до моей книги очень свободно обращалась с языком, но поскольку большинство людей современную словенскую литературу не знает и не читает, для них это стало открытием. Судьба книги была такова, что ей удалось перевалить через пару тысяч читающей публики и дойти до людей, которые не брали в руки книги лет двадцать. Популярность, полученные награды, провокационное название, вообще все, что происходило с книгой, помогло ей дойти до тех, до кого книги обычно не доходят. Со второй книгой мне этот результат повторить не удалось.

Это была действительно абсолютно особенная история. Я получил огромное число очень положительных откликов, люди были потрясены тем, что получили в руки книгу, события которой происходят здесь и сейчас, а не в XIX веке. Негативная реакция была со стороны тех, кто читал роман как автобиографию: «Чего это он вздумал писать о себе? Кого интересует его мнение?»

А.К.: Книга получила награду имени Кресника, которая дается за вклад в развитие словенского литературного языка. Вот ответ на вопрос...

Г.В. И награду фонда Франце Прешерна. Обе эти награды говорят о том, что словенские интеллектуально-художественные круги гораздо открытее, чем вся остальная Словения. Именно те, кто непосредственно имеет дело с искусством, знают, что границы расширяются, и поддерживают этот процесс. Пропасть в Словении между этим узким кругом интересующихся культурой, – по моим оценкам, примерно 50 тысяч человек – и остальными, миллионом девятистами пятьюдесятью тысячами населения, которые с культурой сталкиваются крайне редко, – все больше и больше. Круг культурной элиты в Словении дей-

Любляна 2007–2014. Фото Д. Крашовца

ствительно исключительно разнообразен, открыт и активен на международном уровне. На другой стороне пропасти находятся те, кто от культуры далек.

И если тебе удастся преодолеть эту пропасть при помощи книги или, еще лучше, фильма – как более массового медиа, то в ответ ты получаешь совершенно другую реакцию. Сейчас самый интересный для меня вопрос, как добраться до этих людей, которые где-то там снаружи и к которым словенская культура, как правило, не обращается. Сделать это, сохранив и серьезность, и высокий уровень. Ты почти вынужден использовать юмор, так как, если нет юмора, эта миллионная масса даже не шелохнется. Это настоящий вызов. Если тебе это удалось, то следует быть готовым к любой реакции – как примитивно-негативной, так и сверхположительной.

Я понял это, начав сотрудничать с коммерческим театром: в «Сити театре» мы подготовили комедию, затрагивающую, однако, очень серьезные темы. Данный проект был осуществлен в сотрудничестве с известным македонским режиссером Александром Поповским, работающим в словенской Дrame и других крупных театрах по всем Балканам. Спектакли «Сити театра» смотрят во всей Словении, со своими спектаклями они путешествуют по маленьким городкам, и их зрителями становится большое количество людей, которые привыкли смотреть легкие, забавные комедии. И тут появляешься ты и, прикрывшись комедией, предлагаешь им погрузиться в серьезные проблемы, такие как «свой – чужой», кризисы в современном мире, в том числе экономический, и тому подобное. Это очень интересное поле для деятельности, но в случае с коммерческим театром приходится мириться с тем, что спектакль не будет замечен критикой, не будет упомянут ни в одном из серьезных средств массовой информации. Он пройдет без всякого отклика – вот она, эта пропасть. Интересно и важно говорить о какой-нибудь проблеме там, где она действительно существует и волнует многих. Так называемая элита в большинстве своем согласна со всеми твоими идеями, как и с твоей методикой использования языка. Элиту спровоцировать очень сложно. Но зато можно спровоцировать всех остальных. Это различные сферы моего творчества. Писать «расчетливо» гораздо сложнее.

А.К.: Возвращаясь к книге, я хотела бы отметить позицию твоего главного героя, когда он начинает размышлять на более серьезные темы, обнаруживается как раз эта, более зрелая оценка всего происходящего.

Г.В.: Должен признать, что здесь я на себя немного зол, так же как и на своего редактора, которому все показалось очень здорово и он не хотел ничего менять. В парочке мест я таким образом забылся. Это не только зрелые мысли, но и записаны они чересчур зрело. Речь идет о политике и политической ситуации: очевидно, что здесь взгляд дипломированного двадцатилетнего режиссера, а не семнадцатилетнего Марко Джорджича. Но это, скорее, в начале текста, когда ты еще ищешь подходящую повествовательную интонацию. Смысл был в том, чтобы «поймать» характер подростка, сохранив при этом дистанцию. У меня была возможность пожить в другом

«контексте», своего рода привилегия – наблюдать за жизнью Фужин, находясь на некотором от нее расстоянии. Я не был пленником этого мира, я смог его оставить и смотреть на жизнь своих друзей и соседей со стороны. Этот дистанцированный от окружающего мира взгляд я затем передал своему герою. Поэтому он может острить, может временами абстрагироваться от происходящего вокруг, – его трагедия начинается в тот самый момент, когда этот мир начинает вовлекать его в себя целиком. Это трагедия всех людей, которых поглотил маргинальный мир переселенцев, откуда они не могут вырваться. Мне это удалось: я ходил в люблянскую гимназию Бежиград, которая считалась лучшей в Словении, занимался баскетболом, окружающий мир приобретал совершенно другие краски.

А.К.: Говоря о социальной составляющей твоего романа, я бы хотела обратиться к его феминистической части – критике патриархального балканского общества. Почему нет хуже монстров, чем молодые чефурки. Почему чефуры не разводятся и т. д.

Г.В.: Могу добавить несколько фактов: в моей семье по отцовской линии до сегодняшнего дня еще никто не развелся. Так что ждем. Критика патриархальности явственнее звучит в фильме. Я не старался как-то дополнительно делать на этом акцент, на мой взгляд, совершенно очевидно, что эта система не функционирует и является причиной многих проблем. Интересно, что некоторые люди воспринимают это так, будто я оправдываю и отстаиваю патриархальность. Но, к сожалению, речь идет о семейных схемах поведения, которые сложнее всего изменить: они продолжают функционировать в домашней сфере и перенимаются младшим поколением. Человек может пережить различные воздействия внешней среды, быть полностью ассимилирован, но иметь только одну-единственную схему поведения в семье.

А.К.: Выходит, что словенское общество предлагает более прогрессивный взгляд на роль женщин.

Г. В.: Скорее, Любляна, чем словенское общество. Я всегда говорю, что огромная разница, которая существует между моим отцом и матерью, заключается в том, что моя мама росла в городской среде, тогда как мой отец происходит из крестьян, где патриархальная схема все еще очень актуальна. Он пробовал от всего этого избавиться, частично из протеста против своих родителей, но не смог, – это просто живет в нем. Хотя мой отец никогда бы этого не признал. «Я! Нет! Я современный человек!» Если в Словении вы отправитесь куда-нибудь в сельскую местность, то встретитесь все с той же патриархальностью; она будет иметь другие формы, как в городской среде – свои, но этих патриархальных поведенческих схем еще очень много, только они выражаются сегодня по-другому.

А.К.: Немаловажную роль, безусловно, сыграл югославский социализм, провозгласивший равноправие между мужчиной и женщиной.

Г. В.: Это было сделано насильственно и лишь для виду. В 2014 г. в Словенской Академии наук и искусств заседают сто членов, среди которых толь-

ко три женщины. Мы все равноправны, но стоит немного углубиться в суть проблемы, видишь, что одна и та же история и в образовательной системе, и в медицине, и в университетской среде – везде присутствует патриархальное мышление. Наша бывшая премьер-министр Аленка Братушек яркий тому пример; видно было, что на нее обрушился шквал критики еще и потому, что большинство никак не могло смириться с тем, что она – женщина.

Патриархальная схема уже меньше присутствует в самих семьях, мужчин очень даже устраивает возможность освободиться от ответственности и быть такими, какие они на самом деле, – нерешительными слабаками. Когда женщины берут инициативу в свои руки и все делают сами, мужчинам это очень даже по душе. В обществе же продолжает функционировать это такое взаимодоверие между мужчинами, как в академическом мире, так и в сфере искусств, где действительно мужчины все еще продолжают доминировать. Единственное исключение сегодня разве что представляет словенская поэзия с активным поколением молодых поэтесс, которые собирают все награды. Все эти изменения происходят крайне медленно.

Мир Фужин патриархален потому, что представляет собой все еще руральный миропорядок. Пролетарский класс, о котором рассказывает роман, – это выходцы из деревень. Многие продолжают жить в городе так, как будто бы они все еще в селе, единственное отличие – многоэтажки и лифт. Все это, безусловно, имеет огромную притягательность, создает нечто совершенно уникальное – и в чем-то забавное. Именно различия между городом и деревней становятся самыми главными на Балканах; национальные различия на самом деле здесь совсем небольшие; религиозным различиям до недавнего времени тоже не придавалось такого значения.

А.К.: От темы женщин предлагаю перейти к мужским героям и твоему фильму, который достаточно сильно отличается от романа. При написании сценария ты сотрудничал с известным боснийским сценаристом, писателем и поэтом Абдулахом Сидраном. Какова была его реальная роль? Так, в фильме на передний план выходят отношения между отцом и сыном, излюбленная тема Абдулаха Сидрана, который писал в этом же ключе сценарии для фильмов Эмира Кустурицы («Помнишь ли ты Долли Белл», 1981; «Папа в командировке», 1985).

Г.В.: Его роль нельзя назвать очень большой. Времени у нас было немного – три дня; Сидрану нездоровилось. Мои посещения были очень интересными, пару раз я был у него в гостях, при этом о сценарии мы не сказали ни слова, так как он был совершенно не готов. Сотрудничество началось так: он прочитал мою книгу, распознал в ней столь близкий ему мотив отца и сына и обратился ко мне через посредничество нашей общей коллеги. Затем продюсер решил включить его в работу над сценарием.

На самом деле, я пришел к выводу, что надо выделить четкую сюжетную линию, которая приковывала бы внимание зрителя. История в романе – маленькая, поэтому необходимо было акцентировать повествовательную нить.

Многим зрителям, особенно молодым, которые привыкли смотреть голливудские фильмы, кажется, что здесь вообще нет никакой истории. Именно поэтому я сознательно решил, что буду строить сюжет на основе конфликта между отцом и сыном и делать упор на семейные отношения, поскольку представить контекст Фужин и чефуров как таковой сложно, с чем согласился и Сидран. Мы попытались проникнуть к людям в дом, в их личную жизнь. Нам хотелось усадить зрителя за один стол с нашими героями, сблизив их на эмотивном уровне.

А.К.: Суть книги, выраженная посредством языка, – двуязычная и двойная идентичность твоих молодых героев. Надо сказать, что это и твоя идентичность. Марко в конце романа переезжает из Любляны в Боснию. Один из вариантов перевода названия книги на русский язык – «Чефуры, гоу хоум!»; перевод этот, однако, неправильный, поскольку дом «чефуров» вовсе не в Боснии: не могут они взять и уехать туда, где уже нет их дома. Что значит для твоего героя отправиться в общем-то чужой для него мир? Стать Янезом в Боснии? Ты бы мог поехать жить в Боснию, как он?

Г.В.: Да, на три дня, как я обычно и делаю. Это кричащий парадокс: идите туда, откуда пришли. Откуда я пришел? Я же здесь родился. Идите домой! Мой отец на это отвечает: «Какой дом? Я уже 40 лет в Словении, где мой дом, если не здесь?» Но ты – так или иначе –рываешься между двумя мирами. Проблема появляется тогда, когда кто-то тебя постоянно заставляет выбирать одно из двух. Это все равно что строить свою идентичность, сделав выбор в пользу одной части себя, как будто ты должен выбрать, какую руку ты больше любишь – левую или правую, чтобы потом пользоваться только одной из них, а вторую держать все время в кармане.

Лишь сейчас, очень медленно, начинает распространяться концепция составных идентичностей, благодаря которым ты можешь быть и словенцем, и боснийцем – и еще пятьсот других составляющих. Сегодня все больше людей, живущих между различными мирами: росли они в Африке, переехали в Азию, сегодня живут в Америке, спутник их жизни из Австралии, а дети говорят по-испански. Почти никто больше не рождается и не умирает в одном и том же государстве: или распалось государство, или же он сам переехал. Поэтому вполне логично, что наша идентичность становится многослойной, наша идентичность – это вовсе не место, где ты родился, а то, где ты живешь, с кем живешь, как живешь, это все имеет значение. И идентичность тоже все время меняется: моя идентичность сегодня и пятнадцать лет назад – это две разные вещи. За все эти годы со мной произошло много всего, у меня не может быть та же идентичность, какая была тогда, когда я был знаком лишь со своей родной средой. Проблема молодых людей в моей книге заключается именно в том, что они осознают, что являются жертвами агрессивной среды, которая принуждает их сделать выбор – быть словенцами или боснийцами.

То же самое происходило и со мной; я всегда искал ответа на вопрос, кто я, но ответить невозможно, если сначала придется остановиться на чем-то одном. Меня очень устраивало понятие «югослав», так как оно включало в себя все, с чем я себя ассоциировал. Места, которые для меня что-то значили, все мои родные, – и потом вдруг это слово попало под запрет, и ты уже больше не мог быть югославом. Я могу сказать, что я словенец, при этом у меня другой родной язык, моя родня не здесь; Мурска-Собота, Марибор и еще другие словенские города для меня ничего не значат, но зато очень много значат Пула в Хорватии, Високо в Боснии, Сараево – огромное число мест. Литература, которую я читал, мой язык, моя идентичность имеют, скорее, культурный характер. Я думаю, что Иво Андрич повлиял на меня гораздо больше, чем, скажем, Иван Цанкар.

А.К.: Получается, что ты позиционируешь себя не только в словенском литературном контексте, но шире – в постъюгославском?

Г.В.: Я себя не позиционирую, все остальные как-то сходятся на том, что это необходимость; есть огромное число авторов, которых сложно поместить в такой узкий контекст. Я словенский автор, но, наверно, и еще что-то помимо этого; мое литературное творчество пересекает границы – языковые, тематические; таких авторов, как я, много, таких людей много. Я знаю очень мало людей, которые бы имели опыт только лишь одного пространства в Словении.

Сегодня ситуация становится немного проще, так как появляется дискурс, что ты можешь быть словенцем, даже если ты и еще что-нибудь помимо этого. Я могу идентифицировать себя в качестве словенца, боснийца, а также хорвата и еще немножко югослава. Я все больше буду чувствовать себя словенцем, так как моя жизнь теперь гораздо более словенская и менее балканская, я живу со словенкой уже столько-то времени. Вопрос об идентичности сейчас обсуждается достаточно широко, и это здорово.

А.К.: То есть общество все-таки меняется?

Г.В.: Каким образом меняется общество? Да, появляется дискурс, но сколько еще нужно будет времени, чтобы это дошло до людей, которым бы это смогло облегчить жизнь, до молодых, которые находятся в поиске личной идентичности.

А.К.: Социологи утверждают, что именно мигрант является выразителем реальности внешнего мира, поэтому общество его и боится. А общество, замыкающееся в себе, стагнирует и регрессирует.

Г.В.: Общество сегодня может закрываться сколько хочет, но мигранты будут все равно приезжать. Мы сделаем то и это, чтобы помочь мигрантам в их странах, чтобы они не приезжали к нам. Отлично. Можете еще сказать, что хотели бы мира во всем мире. Реальность такова, что люди все больше циркулируют, и уже невозможно отгородиться от внешнего мира. Единственный рецепт, если ты хочешь, чтобы к тебе никто не приезжал, – это разжечь какую-нибудь гражданскую войну, тогда уж точно все заработает. Мир уже настолько связан

между собой, что если едут люди в Словению, то будут ездить повсюду. Исключение разве что Россия, где так холодно, что требуется немного больше времени на раздумья. Речь уже не идет о том, нравится нам или нет. Скорее, как помочь и тем, кто мигрирует, и тем, кто здесь, чтобы им было легче жить друг с другом. Дискуссия о том, хорошие мигранты или плохие, – уже прошлое.

*Подготовила к публикации и перевела
со словенского Александра Красовец.*